

A photograph of a river with fallen trees and dense foliage in the background. The water is dark and reflects the surrounding greenery and the white bark of the fallen trees. The scene is set in a forest, with various types of trees and bushes visible along the banks.

ВДОЛЬ РЕКИ,
МИМО
ЛЕСТНИЦЫ
В НИКУДА
И ЗАМКА

КАТЕРИНА ДЕМЕНТЬЕВА

Катерина Дементьева

**Вдоль реки, мимо
лестницы в никуда и замка**

«Издательские решения»

Дементьева К.

Вдоль реки, мимо лестницы в никуда и замка / К. Дементьева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966504-1

Агата возвращается в крохотный городок своего детства и встречает загадочную незнакомку. Агату только что вышвырнули из полиции. Незнакомка, кажется, ест детей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966504-1

© Дементьева К.
© Издательские решения

Содержание

0	6
1	7
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вдоль реки, мимо лестницы в никуда и замка

Катерина Дементьева

© Катерина Дементьева, 2019

ISBN 978-5-4496-6504-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

0

Не пролог, но записка, в которой я пытаюсь объяснить важный момент

Дорогие читатели (обращение, которое смущало меня в начале, но я привыкла к нему настолько, что боюсь никогда не избавиться), читатели, я не чувствовала нужды объясниться, но важный человек настаивает, что это необходимо.

Я попыталась доказать ей, что никто не прочитает, никто не должен, но она упрямилась, убеждала, что если она смогла, то, возможно, доберутся и другие. Я не думаю, что это так. Она прочитала, конечно, но только потому, что изнывала от любопытства и не уставала повторять, что имеет право знать, что творилось в моей голове в те дни, что она так и не смогла разобраться и мои рассказы никогда не помогали.

– К тому же, зачем ты постоянно обращаешься к читателям, если не рассчитываешь, что они будут?

Я не знала. Я писала не потому, что хотела поделиться, или объяснить что-то, или в чем-то разобраться. Я писала днем, когда на улице было невыносимо жарко, а мы из-за определенных (то есть не тех, о которых я хотела бы говорить) обстоятельств были вынуждены оставаться внутри, и она постоянно спала, а я понимала, что сойду с ума, если буду только любоваться ею или смотреть в окно, как дрожит разогревшийся чистый воздух. Я писала по ночам, когда не могла уснуть, когда меня начинало мутить от подсчета овец, или если фильм, который мы смотрели, становился слишком скучным, и под рукой не было книг, и в интернете не было новостей, и я не хотела шевелить ничем, кроме пальцев.

Формально мы были дома потому, что ей нездоровилось. На самом деле нездоровилось мне – я настаиваю, что эта повесть не попытка справиться со старой травмой, но, возможно, могу согласиться с тем, что это попытка справиться с чем-то другим, новым и пугающим.

Но неважно, неважно, она хотела, чтобы я оговорила, и я оговариваю – это не вполне история о любви, точно не история о поисках себя, и – самое важное – это не детективная история. Что же тогда?

Я предложила мемуары, но ей не понравилось. Она предложила очерк о небольшом периоде жизни, но это не понравилось мне. Мы спорили – неожиданно долго для такой мелочи, и наконец я предложила прелюдию.

– Прелюдию к чему?

– К нам.

Она иногда жаловалась, что со мной невозможно спорить, что я нечестно выигрываю любую дискуссию. Но в этот раз, думаю, я была совершенно права.

1

Очень хорошо, особенно когда ты только начинающая сотрудница важного муниципального или государственного учреждения и склонна к совершению глупых ошибок, чтобы твой руководитель Я. рявкнул:

– Агата! Немедленно сюда!

А дальше, когда ты пристроилась на рассыпающемся стуле, в качестве ножек которого служили отполированные до черноты обломки деревянных швабр и пластиковые, зеленый и синий, – от мопов, дальше, когда он героически раздвинул завалы папок так, чтобы и тебя видеть, и ничего не уронить, когда стол задумчиво проскрипел, но решил не падать, когда то же решило кресло, было бы хорошо чтобы Я. сказал:

– Короче, слушай сюда. В нашей работе сплошные подводные камни и никаких наводных, и говна ты всякого повидеашь и херни наделаешь невообразимое множество, но вот тебе одно из самых важных правил

никогда

даже если ты не просто уверена, а видела своими глазами

никогда

не подкладывай улики подозреваемым —

особенно пока ты еще неопытная малолетка и не посоветовалась с теми, кто в этом разбирается.

(Это, конечно, не самое важное правило, но не бывает в нашей работе самого важного, любое – всегда только одно из. А на слове «невообразимое» в его речи стоило бы немножко улыбнуться, совсем чуть-чуть, чтобы показать, да, заметила, что оно из моих переключалось в ваши, и рада этому).

После этого ты, ну то есть я, встала бы, покивала, обдумала совет, сказала бы, я бы никогда, но все же поблагодарила бы, и вышла из этого пыльного и разваливающегося кабинета, и все было бы хорошо.

Плохо было то, что он этого не сделал.

Безусловно, плохо было и все остальное – начиная с моей ошибки и заканчивая моей другой ошибкой, и тут, наверное, надо бы объяснить. Дело было простое, поэтому его и доверили мне и всего-то на четвертый день службы – обвинить бы в этом азиатское суеверие, что четыре – это дурной знак, но если кого-то и винить, то только себя.

Дело было простое, потерпевшая его опознала, результаты пришли положительные для нас, но я виделась с ним – заметила, как уверенно он держится, как надменно смотрит на нас и особенно на нее, как он едва вслух не смеется, что всех нас ловко перехитрил – и мне было нужно, понимаете, дорогие читатели, мне было необходимо что-то сделать. В небольшое оправдание – план ведь был не в том, чтобы подбросить ему в машину ее изорванное белье, а в том, что, когда его снова вызовут в отделение, я проникну в квартиру и гараж и найду настоящие улики – постфактум я понимаю, что это меня не оправдывает, но в этом ведь фокус всего поста – оно не может помочь тогда и не всегда помогает в будущем.

Следующая часть плана была в том, что я утаю улики, удержу до суда, а потом ворвусь в зал в нужный момент – ну или поднимусь со скамьи, если уже буду там, – и торжественно предъявлю суду новые, неизвестные доказательства. (Когда я дошла до этого момента, мой через десять минут бывший руководитель даже не стал снова орать. Он вздохнул и чересчур спокойно поинтересовался – это так вас в академии теперь учат? Я сразу же принялась убеждать его в том, что нет, потому что и правда – нет, но он махнул рукой и сказал продолжать). Дальше я узнала, что фокус с торжественным предъявлением не получится, потому что суд

работает с девяти до пяти и рассматривает за день до четырех десятков дел, и весь день судья спит, прокурор снапчатит, а защитник сочиняет остроумные подписи для своих сториз. Дальше я решила, что лучше изъять белье, пока его не нашли и потратить энергию на то, чтобы вовремя разбудить судью, дальше я решила, что стоит расспросить коллег, а почему обвиняемый так в себе уверен и чьей именно, если она вообще существует, поддержкой заручился.

И все могло получиться как надо, если бы улику не нашли, а вместе с ней и видео с регистратора машины соседа-параноика, который никогда не выключает запись. На меня орали, и орали, и орали, и я бы предпочла это, громче, хуже, с разбиванием глиняных кружек в миллиметрах от головы, только чтобы не видеть лица жертвы и ее семьи, когда им сообщили, что они не выиграют дело. Им что-то врали о том, что он – сын кого-то важного, или сумасшедший, или на правительственном задании, и я хотела подойти и сказать правду, но меня удержали. (Он не ушел безнаказанным. Когда я уже уезжала в свою глушь, в выбранное место ссылки, мне позвонила бывшая коллега и рассказала, что они с другими моими бывшими коллегами добрались до него другим, менее официальным способом. Это должно было стать слабым, но все же утешением, но не стало).

Мне сказали написать заявление, никуда больше не лезть, нигде не отсвечивать, и тогда никто ни о чем не вспомнит и не узнает.

Я написала, снова извинилась, и снова, и еще раз – и ушла.

На следующий же день я начала заниматься взрослыми раздумьями о дальнейшем, а параллельно создала резюме, разослала его по интересующим местам, приготовилась к шквалу звонков и коварным вопросам на собеседованиях, и я была бы рада, если бы это оказалось правдой, но она была иной. Первые две бутылки вина перелились в меня еще до полудня, потом я ревела, потом заказала роллы и безуспешно попыталась соблазнить и заманить в квартиру курьера, потом обедала и боялась, что курьер расстроился и вызовет моих бывших коллег, и это будет еще хуже, чем сейчас. Я пила и рыдала, бродила в туалет, чтобы вызвать рвоту, пила воду и снова шла за алкоголем.

На третий день своего падения, я решила, что это не дело, уныло проглядела вакансии, отругала себя, что не выяснила, что именно значит – не отсвечивать, и значит ли это, что мне не стоит претендовать даже на бумажную работу в юридических конторах. Можно было бы позвонить и уточнить, но я чувствовала, что нельзя. Смотреть вакансии мне разонравилось в первую же минуту, но я продержалась несколько, в основном, чтобы успокоить совесть. Когда она на секунду затихла, точнее когда я вообразила, что она затихла, я осознала, что есть только один выход (что я хочу) – сбежать из города.

Первая идея была в том, чтобы попроситься на неопределенный срок в гости к родителям, которые счастливо жили в южной Испании уже почти десять лет, периодически звали меня к себе и обещали помочь, пока я не встану на ноги. Проблемы с этим были в том, что пришлось бы объяснять, что именно случилось с карьерой моей мечты (тут я, конечно, прервалась на рыдания, не только от жалости к себе, но и от злости), к тому же у меня было не больше представлений о том, чем я хочу заняться там, по сравнению с здесь (то есть ноль по обоим позициям), и к тому же еще раз – я с трудом могла представить себе, как это – снова жить с родителями. Плюс главное – я была почти уверена, что они приглашали меня для проформы, потому что кто-то из приятелей считал, что так нужно, а не потому, что так уж хотели меня видеть. (Иначе они не бросили бы меня одну в пятнадцать, верно? Но никаких претензий, даже в те мерзкие дни я была рада, что мама не сделала аборт).

Вторая, и более привлекательная идея была в том, что я: поднимусь с дивана, залезу в кладовку с хламом, разыщу там ключи от бабушкиного дома, и поеду в К., которая находилась достаточно, но не невозможно далеко от столицы – если вдруг мне понадобится вернуться. В К. были тишина и спокойствие, и наверняка никто там меня даже не вспомнит, то

есть никто не станет расспрашивать, как дела вообще и на работе. И насчет нее – скорее всего там можно будет найти что-нибудь непыльное и достаточно унылое, чтобы подходило для моей позорной ссылки. Еще плюсы: свежий воздух, чтобы становиться здоровее, отсутствие развлечений, чтобы спокойно проводить вечера и успокаиваться и соображать, как выбраться из этой ситуации. Можно даже интернет не проводить!

Впрочем, насчет последнего я передумала даже раньше, чем закончила мысль, и сразу после того, как нашла ключи, позвонила своему провайдеру и договорилась о переносе услуги. Так появился дедлайн.

У меня была неделя, и я использовала ее очень разумно. Договорилась с хозяйкой квартиры о дне, когда съезжаю, выбросила весь мусор, отдала ненужную одежду в секонд-хэнды, после получаса сражений героически победила и убедила приложение железной дороги, что мне нужен только один билет – туда, сложила все свои вещи в адекватное количество сумок (i. e. то, которое я могла теоретически донести от станции до дома).

Насчет адекватности багажа я погорячилась, и обнаружилось это только в последний день – когда я выяснила, что никакая сила на планете не поможет мне взять их и дотащить до вокзала. От безысходности я постучала к мерзким соседям-студентам, которых ненавидела каждую пятницу и почти каждые выходные за ужасно громкие вечеринки. Возможно, зря, потому что соседи неожиданно оказались очень приятными ребятами. Половина была немцами, другая – индийцами, и все они ужасно распереживались, что я не успеваю и не могу сама добраться куда нужно, и радостно схватили вещи, заставили меня проверить квартиру – чтобы я наверняка ничего не забыла, один позвонил квартирной хозяйке и объяснил, что ключи она заберет у него (потому что с ней я, как оказалось, тоже договорилась неправильно), другой перекрыл воду, газ, отключил электричество, третий проверил, чтобы окна были закрыты – в общем, больше ненавидеть их я не могла, и после того, как они заволокли вещи в вагон и великолепной смесью английского и жестов договорились с проводницей, что в К. мне помогут их вытащить, мы распрощались друзьями. Они добавили меня в соцсетях, каждый скинул ссылку на себя и каждый же потребовал, чтобы я писала в любой стрессовой ситуации – и они попросят, чтобы их родители меня спасли. Это было очень мило, и я едва не расплакалась от того, что покидаю таких замечательных, внезапно обретенных друзей, а не от очевидных причин.

В вагоне было слишком тепло, и никого не было. Проводница проверила мой билет, ласково спросила, все ли хорошо, попросила обращаться в случае чего, и я осталась одна. Город убегал, проносился мимо меня слишком быстро – привычные районы, знакомые, дальние, окраины – и все, здесь я поняла, что уехала и что не знаю, выйдет ли когда-нибудь вернуться.

Это было ужасно. У меня было семьсот евро (тема для ярости на себя и очень серьезного разговора с собой же, потому что как, как это произошло? Я откладывала часть стипендии, часть денег, которые периодически присылали родители, часть того, что зарабатывала, когда училась – и я не могла припомнить ни одного случая, когда влезала в эти деньги, кроме пары раз, когда мне очень хотелось прогуляться по барам, а выделенная на расходы сумма заканчивалась. Оказывается, эта пара была не парой, и не такой уж безболезненной, как мне казалось. Как и те прекрасные пиджаки, цена которых выходила за грани разумного и которые казались совершенно необходимыми. И еще разные мелочи, о которых мне быстро надоело думать). Мало денег, отсутствие работы вообще и стопроцентное отсутствие работы, которую я всегда хотела, неизвестное место, дом, который легко мог превратиться в романтические, но непригодные для жизни развалины за четыре года после смерти бабушки, отсутствие хоть каких-то знакомств в К. – мне становилось все яснее, что идея переехать была инфантильной, идиотской, опасной, но за окном желтые поля сменялись ровными соснами, и этим невозможно было не наслаждаться, проводница угостила меня чаем, ватрушкой с изюмом (моей любимой)

и осталась со мной, потому что в поезде больше никого не было, и весело рассказывала комичные истории о работе, телефон садился как сумасшедший, потому что каждые пару минут мои новые друзья слали смешные картинки и гифки и выясняли, как я себя чувствую и перестала ли грустить. В секунду, когда поток картинок и рассказов прекратился, я не выдержала и рассказала отцензурированную и обрезанную версию своей истории проводнице, и она не только посочувствовала, но и пообещала позвонить сестре, которая работала в мэрии К. и всегда была в поиске толковых новых сотрудников.

Возможно, все было не так ужасно.

2

Спустя почти пять часов мы были на месте. За две станции до К. проводница позвонила сестре, заставила ту записать мой номер, заставила меня – записать ее, потом позвонила на станцию и договорилась о помощи, дала свой номер (все еще не сказав, как ее зовут), снова повторила, чтобы я ни о чем не волновалась и, когда мы уже подъезжали и я начала неуверенно рыться в вещах, крепко меня обняла.

Это было приятно.

Дальше последовала суета и паника. Печальный мужчина в пыльной спецовке вытаскивал сумки, сердито посматривал на проводницу и отмахивался от моих предложений помочь. Машинист сигналил и кричал, чтобы мы уже поторопились, а то он везде опоздал еще до того, как выехал, проводница орала на него и все пыталась мне что-то сказать, ошарашенные туристы, которые ждали поезд в обратную сторону, перекрикивали весь шум, чтобы обсудить, что я – однозначно какая-то местная знаменитость, и все это тянулось целую вечность, пока из станции не вышла усталая, тонкая и высокая, как модели с показов, женщина. Она быстро осмотрелась, закатила глаза и спокойно, тихо сказала всем успокоиться. Настолько тихо, что это невозможно было услышать, и все же – все услышали и замолкли. Она представилась, и бах, я уже оказалась внутри станции, перед стеной, которая от пола до потолка была заклеена цветными фотографиями мальчика лет семи, и я уже было собралась расспросить Илзе, которая чудесным образом за несколько секунд оформила документы, потому что «это совершенно невозможно, оставить вещи без сопроводительных бумаг. Бесплатно – это пожалуйста, но без бумаг никуда», подошла ко мне и тоже стала рассматривать стену, я уже открыла рот, но к счастью не успела спросить, потому что разглядела надпись – пропал ребенок. Адреса, телефоны, куда обратиться, были у каждой фотографии – не очень заметные, но я не стала говорить и об этом, потому что Илзе сухо сказала:

– Это мой сын, – и отошла обратно, лепить наклейки на мой багаж.

Я записала несколько номеров, быстро отбросила идею запомнить лицо и сфотографировала ребенка, и этим, кажется, улучшила ее мнение обо мне, потому что, когда мы стали договариваться о том, как быстро я смогу все забрать, она немного улыбнулась, отмахнулась от моей идеи, что я сейчас схожу в дом и вернусь, и сказала, чтобы я планировала за неделю управиться. Замечательно, потому что, когда я говорила насчет сегодня, я уже понимала, что не захочу это делать.

Я попрощалась с ней, с мужчиной, который помогал с вещами, захватила чемодан с самым нужным и сумку с ноутбуком и пошла наружу, через парк, в саму К. – и немного ужаснулась количеству людей. Конечно, пусть К. и была небольшим городом, в ней всегда, даже зимой, когда темнело в начале четвертого, даже в апреле, когда не прерывались дожди, в К. всегда были туристы, которые обязательно раскрыв рот смотрели на деревянные дома семнадцатого и восемнадцатого веков и каменные, с разнообразными завитушками, девятнадцатого, и шептались о том, как, должно быть, замечательно, жить в таких домах, и, конечно, не подозревали, что любые плюсы и минусы исчезают перед лицом войны между средневековьем и югендстилем, в которой любой начинает участвовать, стоит только переступить порог любого дома.

У бабушки был деревянный дом, не один из полусотни старейших, но и не юный, и я помню, как в детстве меня обижало, что племянница хозяйки нового замка, Майги, который был неподалеку, и был построен в первых годах девятнадцатого века, воротила от меня нос и никогда не хотела играть вместе. На это бабушка мне объяснила, что мы живем в исторической ценности, а они – в безвкусной берлоге ненужных для истории нуворишей, и я сразу же

поделилась со своей не-подругой новоприобретенными знаниями, и наступила моя очередь воротить нос.

Но к туристам – они были всегда, но никогда их не было настолько много. Улица, ведущая к старому замку, по которой мне было бы удобно добраться к дому, была заставлена палатками с едой, напитками и сувенирами, и у палаток было столько людей, что я не только передумала идти по улице, но и не смогла бы свернуть на нее. Следующая идея – пройти через парк у церкви, выйти на узкие улицы старого города, о которых мало кто знает, и пройти другой дорогой – эта идея сломалась о то же, в парке было немыслимое количество людей, и я могла бы туда втиснуться, но что-то мне подсказывало, что в старом городе будет ничуть не лучше. От безысходности я пробралась к ограде парка и влезла между громогласной компанией итальянцев, которые счастливо пожирали ароматные блины с начинкой, и парой подростков, которые были в минутах от того, чтобы заняться сексом прямо здесь и сейчас. Я вытащила телефон, открыла карты и попробовала проложить маршрут, но телефон скорее для вида призадумался и выдал мне смс от провайдера, что линии перегружены и давай как-нибудь сама.

Я попробовала одну дорогу, но уперлась в толпу, попробовала другую, вышла к набережной, где тоже были люди, но хотя бы удавалось пройти, и наконец, о счастье!, набережная закончилась, и началась тропа. Плечо ныло от сумки, чемодан уныло скрипел по песку, я ужасно хотела есть, но старалась сильно не печалиться, потому что теперь я шла по нужной дороге и в нужном направлении. Река становилась шире, с противоположной стороны началось старое кладбище, с моей – сосны, и было очень тихо, спокойно, изредка в реке переругивались утки и чайки, и я шла, и шла, и шла, и невозможно ведь было заблудиться на единственной тропинке, но минут через пятнадцать мне показалось, что именно это и произошло.

Вернуться или идти дальше? Мысль о возвращении и новых попытках пробраться через людей вызвала ужас, идти дальше тоже не особенно хотелось, поэтому я уронила чемодан на землю и стала рассматривать небо. Здесь, должно быть, по-настоящему темно ночью, и можно наугадить атлас звездных карт и пытаться разглядеть все эти пояса, луки и волосы в созвездиях – ну это, если я когда-нибудь выберусь к дому.

В соснах хрустнула ветка, и я обернулась – передо мной стояла большеглазая девочка, с коротко стриженными светлыми кудрями, через которые пробивался свет. Это было похоже на ангельский ореол с церковных фресок.

– Привет, – радостно сказала я и улыбнулась максимально дружелюбно, потому что девочка явно была напряжена, и я очень не хотела, чтобы она исчезла.

– Здравствуйте, – ответила она, внимательно рассмотрела меня и тоже улыбнулась: – А вы внучка Даче, да? Мне мама говорила, что вы очень красивая и скоро приезжаете.

Вау. Тут следовало бы отвлечься и порефлексировать о том, как я надеялась, что никто меня здесь не узнает, но сильнее я хотела попасть в дом, поэтому спросила у девочки, как туда добраться.

– Все просто! – воскликнула она. – Идите дальше вдоль реки, потом кладбище кончится и будет лестница в небо, а потом сразу замок, а потом ваш дом.

Лестница в небо не звучала как хороший ориентир, но если никуда не нужно сворачивать, то и она сойдет. Девочка в это время подошла совсем близко, поделилась со мной бутербродом и представилась – ее тоже звали Даче. Мы ели в тишине, рассматривали блестящую воду и время от времени поглядывали друг на друга и улыбались. Я поблагодарила ее за обед, встала, подняла чемодан и собралась прощаться, когда она вдруг насторожилась и серьезно сказала:

– Вы только тут после заката не ходите, и лучше вообще по вечерам не ходите, хорошо?

– Почему?

– Потому что здесь ведьма, которая детей ворует. Вы хоть и взрослая, все равно лучше ее не дразните. Но если очень надо здесь пройти, тогда нужно всегда носить с собой мешок

сушеной брусники, ведьма ее боится, и волшебство делать нужно – считать шаги и не оглядываться, даже если там зовет кто-то знакомый, или кричат, или помощи просят – это все она заманивает.

– Хорошо, не буду по ночам ходить.

– Не смейтесь, это правда. Она детей ворует и ест, и никто ее поймать не может, хотя все знают, где она живет и кто она такая.

– И кто же она?

Даже огляделась, вздохнула и прошептала:

– Хозяйка замка.

Пока я осознала, почему местным детям разонравилась Майга, строгая, но приятная женщина (из тех немногих, кто не участвовал в архитектурной войне), девочка убежала обратно в лес. Но ведьма так ведьма, и идея была неплохой – не стоит ходить по безлюдным местам там, где недавно пропал ребенок и, возможно, не один.

Я пошла дальше. Сосны, река, утки и чайки, кладбище закончилось вместе с лесом с моей стороны, и я нашла лестницу, ведущую не в небо, но в никуда. У нее были широкие деревянные ступени, узорчатые перила и поддерживающие колонны и четыре пролета, которые заканчивались метрах в пяти от земли деревянным же выступом без перегородок. Я немного пожалела, что не хочу забираться на нее сейчас, но решила, что это обязательно нужно сделать.

Через несколько минут началась территория замка, с разноцветными клумбами, которые восхищали меня в детстве, и подстриженными в огромные абстрактные фигуры кустами, которые тоже меня восхищали, но больше пугали и чью форму я, хоть и проводила за этим порядочно времени, никогда не могла понять. Из округлых сторон выдавались треугольники и цилиндры, из которых торчали другие треугольники, и будь оно нарисовано, было бы похоже на дерево в духе Пикассо, но в жизни, особенно в пасмурные дни и по вечерам, кусты были похожи на монстров из кошмаров. Впрочем, это в детстве, потому что сейчас мне они скорее нравились, а монстров, настоящих монстров, я уже видела – и очень надеялась увидеть снова.

Замок выглядел таким же, как несколько лет назад, и признать, это стоило бы назвать поместьем или усадьбой, потому что ничего замкового в таких строениях не было. Ни башенок (кроме одной, декоративной и глупой), ни бойниц, ни рва у входа – просто дом, большой, да, два крыла и оранжерея. Это был красивый дом с красивым садом – но не замок.

Еще пятнадцать минут, к концу которых я решила, что останусь жить у реки, и я увидела знакомый дом и неожиданно и совершенно точно передумала в него заходить. Это была глупая, глупая идея – возвращаться сюда. И идея идти в пустой дом, в котором должна была быть бабушка, но ее не было – была еще хуже, и мне стоило продать его к чертям в день, когда завещание вступило в силу, и тогда мне не нужно было бы стоять на этой все еще утоптанной тропинке, хотя неизвестно, кто и зачем по ней ходит, и сдерживать слезы, и думать, как выжить на оставшиеся деньги.

– Агата? И правда, ты! Глазам поверить не могу, как повзрослела. И похорошела!

Двое из двух людей, которых я сегодня повстречала, выпрыгнули на меня из леса, и я не могла сказать, что такая тенденция мне нравилась. В этот раз это была хозяйка замка, Майга, которая не только не постарела, а наоборот расцвела и походила на ведьму не больше, чем раньше, – то есть никак. Она подошла, крепко обняла меня, рассказала, что уже и не надеялась увидеться, а тут узнала, что я возвращаюсь, и все в К. узнали, и она оставила мне письмо в доме, но зря, наверное, раз мы так удачно встретились. Пока я стояла, глупо улыбалась и переваривала насчет «всех», из леса вышла еще одна женщина, удивительная настолько, что я уставилась на нее и окончательно перестала слушать Майгу. Незнакомка была в длинном черном платье, из тех, которые выглядят как грубо сшитое полотно, но стоят тысячи, и в разы сложнее, чем кажутся. Она была высокой, белокожей, с густыми черными волосами и идеальными

губами и носом. Но главным, конечно, было то, что верхнюю половину лица закрывали огромные, с непрозрачными черными стеклами, эдакие а-ля водолазные очки, по краям линз которых ползли серебряные с черным жгуты, которые плотно прилегали к коже. Удивительный аксессуар, или не аксессуар, но придумать, зачем такие сложные очки могут кому-нибудь быть нужны, не получалось, зато получилось выставить себя невежливой и разглядывать незнакомку дольше, чем было прилично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.